

С тех пор как жена дяди Чжуанцзы услышала от младшей сестры всё, что та знала о Юй Шанчжи, и хотя с тех пор прошло уже несколько дней — как только проводила сестру Син обратно, душа всё равно не находила себе покоя.

Дядя Чжуанцзы, глядя на жену, хмурился — не нравилось ему это её рассеянное состояние.

— По мне, так брось ты об этом думать, — сказал он. — Теперь ведь даже сам деревенский староста его уважает, а рядом с ним ещё и Вэнь Ецай, этот своенравный гер, что горой за своего мужа. С этими двумя тебе точно лучше не связываться. Нахваталась слухов — и что, лезть на рожон?

Супруга фыркнула, зыркнула на него сердито:

— Ты это называешь “лезть на рожон”? Да ты сам как дохлый пес! Я не за себя боюсь, а за деревню. Сестра Син же сказала ясно — этот Юй вообще ни черта в медицине не смыслит! Его знаний — кот наплакал, только и может, что людей за нос водить. А если он и впрямь откроет приём у нас, начнёт лечить — и, не дай бог, кого покалечит? Что тогда?

Дядя Чжуанцзы как раз замачивал новую порцию соевых бобов и даже головы не поднял:

— А как же тот мальчишка из семьи Дашу? Он же его на ноги поставил. И ты сама тогда за него заступилась — уж не забыла, надеюсь? Сейчас, может, и весь посёлок брешет на Юй-ланчжуна, но только не ты. Потому что ты уже выступила, ты его защищала. А если теперь вдруг начнёшь туда-сюда метаться — что люди скажут? Подумай, как это со стороны выглядит.

Жена дяди Чжуанцзы в тот же миг поперхнулась собственными словами, лицо залилось гневом. Она раздражённо хлопнула себя по губам ладонью.

— Вот же! На кой мне этот рот! Тогда полезла вперёд всех — зачем? Решила, будто я добрая душа нашлась...

Но в ту же секунду она поняла, что муж, как ни крути, всё-таки прав. Если не хочешь в деревне прослыть посмешищем, с этой историей ничего не поделаешь — пока Юй Шанчжи сам себя не выдаст, всё придётся держать при себе, как бы ни терзало изнутри.

— Короче, если ты ему не веришь — это твоё дело, — сказал дядя Чжуанцзы, поднимая ведро с водой. — Никто тебя не заставит. Если наши вдруг кто заболеет — не пойдём к нему, вот и всё. А теперь хватит стоять столбом, иди, делом займись.

В этот момент их младший сын пробежал мимо, присел на корточки и начал копать в земле. Потом вдруг схватил пригоршню грязи и понёс ко рту.

Жена дяди Чжуанцзы в панике кинулась к нему, подхватила на руки:

— Да что ж это опять такое! Стоит только отвернуться — он сразу землю в рот тащит! — в голосе у неё звучало отчаяние.

Всё-таки в доме еду готовят — такой неряшливости не потерпишь. Она тут же потащила сына к бочке с водой, собираясь как следует его отмыть.

Тем временем, на дороге домой, Вэнь Ецай тоже не удержался и рассказал Юй Шанчжи о странном поведении жены дяди Чжуанцзы.

— Странно это всё. Раньше, бывало, пересечёмся с ними, так оба — и муж, и жена — всегда приветливые были, с улыбкой. Вот и на днях, проходя мимо, я сказал ей — может, придётся ещё жернов одолжить, так она только и рада была. А сегодня будто подменили её. Глядела... не пойму, как сказать. Будто бы...

Вэнь Ецай задумался надолго, пытаясь подобрать подходящее слово.

— Как будто... боится тебя?

Юй Шанчжи, услышав это, сразу почувствовал, как внутри начинает складываться картина.

— В тот раз, когда тётушка заступилась за меня, она упоминала, что у неё есть младшая сестра, вышедшая замуж в деревню Баньпо. А вдруг именно она и рассказала что-то тётушке?

Если уж и была у Юй Шанчжи на сегодняшний день настоящая тревога, так это та, что в деревне Баньпо все слишком хорошо знали прежнего Юя — того самого, в чьё тело он теперь попал.

Он как раз тогда и воспользовался этим моментом, чтобы развеять подозрения Вэнь Ецай — но многое из того, что связано с прошлым, нельзя ни объяснить, ни вывернуть наизнанку, не выдав себя.

После слов Юй Шанчжи Вэнь Ецай вмиг всё понял — по спине пополз холодный пот.

Он машинально крепче сжал руку мужа:

— А что если ты прав... что тогда?

Если дело дойдёт до того, что вся деревня начнёт сомневаться, если начнут копать — тогда удержать ситуацию в руках будет непросто.

Юй Шанчжи и сам был обеспокоен. Он рассчитывал, что до этого момента ещё далеко, а оно

вот уже стоит у порога.

Он сжал руку Вэнь Ецай в ответ и мягко погладил её, будто успокаивая:

— Придет вода — будем строить плотину*. Я здесь, перед тобой, я никуда не уйду. Как-нибудь решим. Дай мне немного времени, я всё как следует обдумаю.

(ПП: Часть идиомы «Когда придет враг, мы заблокируем его нашими генералами, когда придет вода, мы засыплем ее землей». Означает решать проблемы по мере их поступления или действовать по ситуации)

Вэнь Ецай медленно кивнул, но он ясно понимал — сидеть сложа руки нельзя.

— Я тоже постараюсь разузнать, не приезжала ли в последнее время младшая сестра тётки Чжуанцзы. Всё-таки у нас в деревне чужие лица редкость, а если вдруг появилась замужняя родственница — кто-нибудь да должен был заметить.

Сказав так, он, вернувшись домой, долго не мог найти себе места и вскоре пошёл к соседке — Су Цуйфэнь.

Су Цуйфэнь сразу согласилась помочь, и, как оказалось, не зря — уже после ужина она пришла постучать в дверь и передала весточку: да, младшая сестра жены дяди Чжуанцзы и вправду была в деревне несколько дней назад, долго сидела с сестрой и о чём-то с ней разговаривала.

Зачем Вэнь Ецай всё это выяснял, Су Цуйфэнь не стала спрашивать.

Узнав об этом, Юй Шанчжи ещё больше убедился: странности в поведении жены дяди Чжуанцзы наверняка связаны именно с этим визитом.

Наступила ночь. Они сели рядом, распаривая ноги в тазу с горячей водой, попутно обсуждая, что делать дальше. Но дело касалось и суеверий, и того, что сам Юй Шанчжи — человек “не отсюда”, — и найти идеальное решение в такой ситуации было почти невозможно.

После долгих раздумий Вэнь Ецай в конце концов откинулся назад и лёг плашмя на кровать.

— Знаешь что, а может, и нечего голову ломать. У тебя ведь врачебное искусство — вот оно, перед глазами. Со временем начнёшь лечить в деревне, вылечишь кому-то семью — да тебе ещё спасибо скажут. Если кто-то из другой деревни начнёт болтать не по делу, нам и говорить ничего не придётся — свои же люди заступятся, и оплатят тем же.

Вэнь Ецай всегда отличался легкостью на подъём, и его слова, сказанные с той простой, уверенной прямоотой, как-то вдруг прояснили всё и для Юй Шанчжи.

— Может, и правда, я сам всё усложнил, — пробормотал тот.

Деревенские, конечно, любят судачить — кто что ел, кто что сказал, — но есть в них и кое-что важное: сплочённость. А теперь, когда все знали, что Юй Шанчжи — зять семьи Вэнь и назад пути у него нет, его поневоле начали считать частью деревни Селю.

Тем более, что в деревне врач — вещь редкая. Так что если и случится что, вполне возможно, всё выйдет так, как сказал Вэнь Ецай: свои же и впрямь встанут за своего.

Вэнь Ецай тем временем повернулся на бок и, играючи, начал перебирать пальцы на руке Юй Шанчжи, болтая в том же духе:

— Вот и говорю, бери с меня пример — на всё смотри проще. То, что натворил прежний Юй Шанчжи, уже не сотрёшь, слишком многие это видели. Ты даже представить не можешь, как они там, в деревне Баньпо, зубами скрипели, когда я его имя называл. Забудь про то, как было, и просто живи по совести — будь прямым, честным, и кто что скажет? А Селю это ведь мой дом, моя земля. И кто бы ни вздумал тронуть моего мужа, сперва пусть меня спросит — позволю ли я!

С каждым словом Вэнь Ецай говорил всё вольнее и напористее, так что Юй Шанчжи поспешил вставить:

— Так, так, кто же не знает, какой ты грозный, Цай-гер из семьи Вэнь! С тобой мне и правда нечего бояться.

Вэнь Ецай приподнял уголки губ в довольной усмешке:

— Вот и хорошо, главное, что сам понимаешь. Ты теперь мой муж, я тебя в дом привёл не для того, чтобы ты тут терпел обиды. У нас с тобой впереди жизнь — сытная, с вкусной едой и без всяких лишних тревог!

Они так увлеклись беседой, что опомнились лишь тогда, когда вода почти остыла. Вэнь Ецай, лежавший всё это время, ощущал всё нарастающую сонливость, зевнул и уже собирался встать, чтобы вылить воду. Но, видно, то ли положение тела было неудачным, то ли вскочил слишком резко — в тот самый миг, как поднялся, старая травма в колене вдруг отозвалась острой, будто иглой кольнувшей болью.

Он тут же снова опрокинулся обратно, чем сильно напугал Юй Шанчжи.

— А-Е?

Юй Шанчжи потянулся, чтобы помочь ему, но Вэнь Ецай, не желая, чтобы тот тревожился, хотя и действительно испытывал сильную боль, пытался было приподняться сам, но, сколько

ни старался, так и не смог подняться — стиснув зубы, остался лежать.

Юй Шанчжи, привыкший иметь дело с самыми разными больными, сразу насторожился, услышав доносящийся рядом резкий вдох — без сомнений, что-то не так, где-то болит.

Под настойчивыми расспросами Вэнь Ецай наконец признался:

— Не знаю, что случилось, но, похоже, старая травма колена снова дала о себе знать. Наверное, всё из-за последних дождей.

Юй Шанчжи знал, что у Вэнь Ецай старая травма колена, но тот никогда особенно не жаловался, и он считал, что всё не так уж серьёзно. Однако сейчас боль оказалась настолько сильной, что тот даже не смог встать — это моментально заставило его нахмуриться.

О воде уже не думалось. Он нащупал полотенце, вытер обоим капли воды, а затем попробовал аккуратно переложить Вэнь Ецай на кровать, уложив его на спину. Всё это время Вэнь Ецай ни разу не пожаловался на боль, но Юй Шанчжи чувствовал, как напряжено его тело.

Пальцы, проводившие пальпацию, через тонкую ткань нижнего белья нащупали область коленной чашечки. С этой точки словно растеклась волна — болезненно-ломающей, ноющей и покалывающей одновременно. По телу Вэнь Ецай пробежал зуд, будто под кожей зашевелились муравьи, сердце забило учащённо.

— Ты... ты не трогай, я больше не выдержу, — голос его изменился, исчезла привычная твёрдость, и в нём послышались слабость и мольба.

По логике, такая интонация могла бы показаться двусмысленной, с тем самым оттенком, когда слова будто срываются с языка, но Юй Шанчжи остался абсолютно невозмутим. Наоборот, чем дальше он продолжал осмотр, тем яснее становилось: проблема с коленом у Вэнь Ецай куда серьёзнее, чем он думал прежде.

— Когда ты повредил колено?

Раньше Вэнь-эрню лишь вскользь упомянула об этом, да и тогда Юй Шанчжи не планировал задерживаться в этих краях, потому подробностей не расспрашивал.

Вэнь Ецай, сжав в кулаках простыню, с трудом сдерживал себя: Юй Шанчжи нажимал как раз в те точки, где боль ощущалась особенно остро, каждый раз точно попадал пальцами в самое уязвимое место — от боли Вэнь Ецай непроизвольно втягивал воздух сквозь зубы.

— Это... э-э, кажется, не так... Точнее, наверное, зимой, позапрошлой, — выдавил он, сам не будучи до конца уверенным.

Зимой, когда на горе становится особенно голодно, кабаны, обитающие в глубине леса, начинают расширять территорию поисков пищи, нередко спускаясь к подножию и даже в деревни, нападая на жилища и причиняя вред людям.

Позапрошлой зимой Вэнь Ецай изначально собирался подняться в горы, чтобы поймать чёрную лисицу — у этого зверька летом мех тёмный, почти чёрный, но с наступлением зимы и первым снегом становится ослепительно белым. За такую шкурку можно выручить до сотни лян — редкая удача.

Но ему не повезло: не то что лисицу не встретил, напротив, нарвался на голодного дикого кабана. У тех кожа грубая, плоть крепкая, даже стрелы его лука не пробивали, а уж о рукопашной схватке и речи быть не могло. Оставалось только бежать, что он и делал, пока не сорвался в овраг, неудачно упал и повредил колено.

Травмы суставов часто приводят к скоплению жидкости — если сразу не заняться лечением, со временем всё лишь усугубляется.

Юй Шанчжи прикинул в уме: от той зимы до нынешней весны прошло никак не меньше полутора лет. Он ощупал Вэнь Ецаю колено, оно уже начало слегка опухать. Кто бы мог подумать: то ли парень действительно нечувствителен к боли, то ли просто беспечен, но довёл себя до такого состояния — и всё ещё терпит.

Судя по всему, это уже далеко не та стадия, когда боль даёт о себе знать лишь в дождливую погоду — достаточно просто пройтись немного дольше обычного, и колено наверняка начнёт ныть. А ведь он запросто отправляется в город, на это уходит по два-три часа пути туда и обратно, или же уходит в горы чуть не на весь день.

Если продолжать в том же духе, куда уж надеяться на выздоровление?

Особенно если вспомнить, что сегодня он весь день крутил жернов, прикладывая немалые усилия. Неудивительно, что, несмотря на отсутствие дождя и даже после горячей ванны для ног, боль всё равно вернулась.

С этими мыслями лицо Юй Шанчжи помрачнело само собой.

Вэнь Ецай, случайно взглянув на него, увидел, что тот самый молодой лекарь, что всегда улыбался, прежде чем заговорить, теперь смотрит на него с ледяным выражением лица — от этого взгляда Вэнь Ецай невольно поёжился.

— Шанчжи? — позвал он, сглотнув, и с тревогой подумал: неужели он и впрямь рассердился?

И Юй Шанчжи действительно был зол, но злился он скорее не на Вэнь Ецай, а на самого себя. Злился за то, что, будучи врачом, не сумел своевременно заметить, в каком состоянии

находится здоровье его супруга, допустил, чтобы тот надрывался и терпел боль. Злился и на то, что этот упрямец совсем не бережёт себя, скрывая боль, даже когда всё зашло так далеко, что обычным недомоганием уже не назовёшь.

Он прикрыл глаза, потом вновь открыл их, взгляд потемнел от сложных чувств.

— Говори мне честно: в последние месяцы колено когда болело? Как долго длилась боль каждый раз? Бывали ли случаи, что от боли не мог ходить или спать?

Целый ворох вопросов обрушился на Вэнь Ецай, и, привыкший к тому, чтобы всегда держаться стойко, он в первую секунду рефлекторно отозвался:

— Да не так уж часто...

Но не успел договорить слово «болит», как Юй Шанчжи, с каменным лицом, надавил пальцем чуть ниже наружной стороны колена — в точку под названием Янлинцюань. И короткое «болит» обернулось затяжным «больно-больно-больно-больно», вырвавшимся сквозь подушку, в которую Вэнь Ецай уткнулся лицом. В этот момент он вдруг подумал, что, возможно, всё это время он совершенно неправильно представлял себе, каким бывает Юй Шанчжи.

Разве нельзя поговорить спокойно? Обязательно вот так руками?

Но тот, будто и не собиравшись останавливаться, продолжал играть роль хладнокровного судьи:

— Я — доктор. Обмануть меня тебе не удастся. Так что лучше сразу говори как есть.

В этот раз Вэнь Ецай уже не решился выкручиваться. Вспомнив, как было, он послушно ответил:

— В тот год, что сразу после травмы, всё было ещё терпимо — только если долго идти или в дождь, снег, зимой. А вот последние полгода... бывает, воды наберу целую бочку — потом болит.

Юй Шанчжи сжал пальцами переносицу, пытаясь взять себя в руки и справиться с гневом. В прошлой жизни он уже сталкивался с подобным: когда больные, скрывая болезнь, доводили лёгкие недомогания до состояния хронических, почти неизлечимых недугов — тогда в душе поднималась горечь и досада, что не переубедил вовремя.

Но когда таким больным становился именно Вэнь Ецай, к этим чувствам примешивалось куда больше: тревога, бессилие, упрямое желание защититься — и всё это превращалось в тяжелый комок в груди.

Все смешанные чувства, что бурлили в душе Юй Шанчжи, в конце концов слились в один тяжёлый вздох.

— Если дальше будешь тянуть с этим коленом, дойдёт до того, что и просто стоять подолгу не сможешь. Ты ведь ещё молодой, неужели хочешь так рано остаться с негодной ногой?

Лицо Вэнь Ецай сразу побелело.

— Настолько всё плохо?

Он-то всегда считал, что если колено однажды было травмировано, то и небольшие приступы боли время от времени — это вполне естественно.

Юй Шанчжи выдохнул долгий, глухой вздох.

— А ты как думал? Это тебе не шутки. Короче, с этого момента, если снова начнёт болеть — сразу мне говори. Я приготовлю тебе и внутренние, и наружные лекарства. Главное применять регулярно.

Вэнь Ецай чуть сжал колено и поник.

— Хорошо... Всё буду делать, как ты скажешь.

Юй Шанчжи, увидев это, наконец немного смягчился в голосе:

— Сегодня вечером я сделаю тебе сеанс иглокалывания. Так спать будет легче.

На этот раз Вэнь Ецай не стал отказываться — спустился с кровати, прихрамывая, достал аптечный ящик и прокалил над огнём серебряные иглы.

Юй Шанчжи, слыша, как тот шаркает и прихрамывает, вновь ощутил в груди то знакомое, глухое раздражение и тоску — и в который раз проклял свои собственные глаза, что до сих пор так и не восстановились.

Однако, когда Вэнь Ецай снова лёг на постель, Юй Шанчжи уже выглядел совершенно спокойно, будто все прежние волнения не оставили на нём ни следа.

Вэнь Ецай поначалу решил, что раз травма у него в колене, то и иглы будут ставиться именно туда. Однако Юй Шанчжи велел ему лечь на бок, спиной к себе, и, помимо области вокруг колена, аккуратно приподнял его рубаху и начал ставить иглы в спину.

С этим он ещё как-то смирился... но вот зачем понадобилось ставить иглу в ягодицу?!

Штанины и без того были уже закатаны почти до бедра, обнажая добрую половину ноги. А теперь, чтобы добраться до нужной точки, требовалось развязать пояс нижнего белья...

Вэнь Ецай, прикрывая рукой бедное своё место, впервые почувствовал себя настолько беспомощным. Он повернул голову, пытаясь договориться:

— А можно... одну иглу пропустить?

Он и так уже напоминал дикобраза — везде серебряные иглы, что уж там, разве одна меньше будет сильно заметна?

Но в вопросах лечения Юй Шанчжи был абсолютно непреклонен.

— Ни одной пропущенной акупунктурной точки. Убери руку.

Вэнь Ецай явно был этим крайне недоволен. Поджав губы, он понемногу стягивал штаны, ворча при этом:

— Раньше ещё не хотел со мной в одной комнате ночевать... А теперь вот и задницу мою увидел.

Юй Шанчжи, стоя рядом с зажатой в пальцах иглой, не выдержал — улыбнулся, не зная, то ли смеяться, то ли плакать.

Он успокаивающе уговаривал:

— Иголкавание не больно. В крайнем случае — немного тянет или ноет в месте точки.

Вэнь Ецай, хочешь не хочешь, а выбора у него не было — штаны уже сняты, назад дороги нет, оставалось только покорно позволить другому делать, что требуется.

Но Юй Шанчжи по-прежнему не мог видеть, и ему приходилось вслепую, на ощупь, определять расположение точек — пальцы скользили по коже, выверяя каждое положение, и подобная близость, при всей своей медицинской оправданности, всё же заставляла сердца обоих сбиться с привычного ритма.

...

Иглы постояли в нужных точках некоторое время, после чего были аккуратно вынуты. К

удивлению Вэнь Ецай, боль в колене действительно утихла. Он тут же с воодушевлением согнул ногу, несколько раз пошевелил ею и с изумлением отметил, что не помнит, когда в последний раз она была настолько лёгкой и податливой.

— Это же просто чудо!

Юй Шанчжи между тем уже спокойно собирал иглы обратно в игольник.

— Это только один раз, экстренная помощь, не лечение. Настоящую проблему она не решает. Раз уж дело зашло так далеко, я и ругать тебя не стану, но с этого момента ты обязан слушаться меня. Нужно основательно заняться лечением колена.

Вэнь Ецай понимал, что виноват, потому только неловко кивнул, не зная, что сказать. Позже, когда день окончательно склонился к ночи, оба, наконец, потушили свет и легли спать.

Юй Шанчжи моргнул — хоть и не прозрел за последние два дня, но глаза у него начали ощутимо уставать: в них появилась сухость и тупая ломота. Он как раз подумывал, что предыдущее лекарство уже допито и пора бы составить новый рецепт, как вдруг заметил, что под одеялом Вэнь Ецай неугомонно ворочается, чем-то явно занят.

Он протянул руку и поймал его за запястье, не позволяя продолжать.

Но, как оказалось, если верх можно удержать, то вот с нижней частью тела дело обстояло иначе: коль уж колено больше не болит, то Вэнь Ецай, согнув ногу вперёд, нечаянно коснулся весьма деликатного места.

— Ты весь день работал, да ещё и с больной ногой был. Почему до сих пор не угомонишься?

Вэнь Ецай, глядя на лицо Юй Шанчжи в лунном свете, вдруг почувствовал, что тот ему особенно по сердцу — куда ни посмотри, всё нравится.

— И что тут такого? Мы, крестьяне, круглый год как волю пашем. Если после трудового дня и ночью отдыхать, то откуда, скажи, у всех в деревне дети берутся?

Слова эти прозвучали слишком уж прямо, настолько, что Юй Шанчжи даже на миг потерял дар речи. Он с трудом перевёл дыхание, подумав: не иначе как этот упрямец, вкусив однажды сладости, теперь сам не прочь продолжения. Только вот то, что было в прошлый раз, — скорее закуска, а не настоящая трапеза.

Да и вообще... он не до конца понимал особенности тела героев, таких, как Вэнь Ецай. Вдруг потребуется какое-то особое средство, чтобы всё прошло безболезненно? А если по неопытности причинит ему вред — будет непростительно.

Пока Юй Шанчжи пребывал в потоке мыслей, одна запутаннее другой, Вэнь Ецай и не думал давать ему время на раздумья. Стоило вороту чуть ослабнуть, как его губы тут же прижались к губам Юй Шанчжи — всё так же, как в прошлый раз, только теперь с ещё большей неуклюжей поспешностью, словно он пытался повторить пройденное наощупь, но всё равно «грыз» наугад, как придётся.

Юй Шанчжи ощутил сумбурные, сбивчивые движения, и в какой-то момент, резко повернувшись, взял инициативу в свои руки. Он ведь всё же постарше, а в прежней жизни, где ему довелось пройти через соблазны и шумные удовольствия большого мира, опыта у него было, пусть и не слишком много, но уж явно больше, чем у этого деревенского гера. Этого было вполне достаточно, чтобы справиться с одним упрямым, но неопытным Вэнь Ецаем.

Вскоре тот уже снова оказался в полном замешательстве от поцелуев Юй Шанчжи, сам не понял, как всё закружилось, и только крепче обнял его за шею, уткнувшись в плечо. Воздух вокруг наполнился тяжёлым, срывающимся дыханием, будто тихое животное притаилось в ночи, оставляя в темноте только прерывистые звуки.

После Цинмина в деревне началась новая волна сельских работ.

Теперь рис выращивают и на севере, и на юге, и если только местность не совсем уж суровая и холодная, как на далёком крайнем севере, то вполне можно, как в деревне Селю, засеять ранний рис. До Цинмина сеют семена, дожидаются, пока рассада подрастёт, а потом переносят её на залитые водой поля — этот процесс и называется посадкой риса, или, как говорят в народе, «втыканием саженцев».

У семьи Вэнь был всего один му земли под рис. Она не считалась особо плодородной, но по местным меркам всё же относилась к числу земель средней и выше средней урожайности. Если не случится погодных бедствий, а ухаживать за полем должным образом, с одного урожая можно собрать риса с лишком на полтора ши — вроде и немного, но зато и работы с такой делянкой меньше.

Правда, эта "меньше" — не то, чего бы желал по-настоящему трудящийся крестьянин.

Вэнь Ецай ещё до Цинмина пришёл на поле, чтобы выпустить воду — этот этап называется «приседанием рассады»: почва остаётся влажной, но не затопленной, чтобы корни, когда рассаду пересадят, могли крепче врасти в землю.

В день посадки в деревне царил общая мобилизация: все с раннего утра закатали штанины и спустились в залитые поля. Если у других семей на подмогу выходили всей родней, то у Вэней всё ограничивалось самим Вэнь Ецаем и Вэнь-эрню. К счастью, Вэнь-эрню уже с семи-восьми лет привыкла работать в поле, и в ловкости мало в чём уступала взрослым.

Сначала они с корнем выдёргивали рассаду, потом — по одному саженцу — пересаживали в поле. Расстояние между побегами нельзя было делать слишком малым, чтобы не мешали друг другу, но и слишком большим — чтобы земля не пустовала. Работа требовала постоянного наклона вперёд, и сколько бы ни был вынослив Вэнь Ецай, но он, как и сестра, уступал в силе взрослым мужчинам.

Поработав немного, оба останавливались передохнуть, выбираясь на край поля, чтобы выпить по глотку воды. К полудню оставалась ещё почти половина рассады, которую нужно было пересадить.

— Эрню, ступай домой, приготовь чего-нибудь поесть. Поешь там с братом Шанчжи и Санья, а потом возвращайся. Принеси мне по дороге паровой пирожок — я тут останусь, поработаю побольше, может, вечером раньше домой вернусь, — вытирая пот со лба, крикнул Вэнь Ецай сестре, что находилась чуть поодаль.

Люди с соседних полей слышали его слова и невольно покачали головами — в других домах хотя бы кто-то приносит еду на поле, а у Вэней дома и того нет: двое — больные, помощи ждать неоткуда. Только-только в дом пришёл взрослый муж, и тот помочь не может.

Цай Байцао, вечно язвящая о делах семьи Вэнь, сразу нашла повод для пересудов. В деревне, помимо Ван Сяюя и его матери, именно она чаще других отпускала едкие замечания в их адрес. Всё потому, что её сын родился с шестью пальцами — в народе считалось, что с такой судьбой жениться будет трудно, никто не захочет брать в мужья. В итоге, не видя другого выхода, Цай Байцао решила выбрать в супруги для сына Вэнь Ецай, пусть тот и некрасив, но, как она считала, подходил. Наняла сватов и пришла просить руки. Кто бы мог подумать, что Вэнь Ецай просто-напросто откажет. Сказал прямо, что сын её ему не по вкусу — низенький и вялый, молчаливый да неуклюжий.

Этим она была доведена до белого каления, а поскольку их поля находились рядом, вот и теперь не удержалась, закатив глаза и ядовито бросив:

— Полдня вкалывает, а потом ещё домой беги, прислуживай! Это что, мужик в дом пришёл? Да это ж прямо господина завели.

Кто бы мог подумать, что семья Вэнь словно нарочно выжидала момента, чтобы опровергнуть злые языки — стоило словам Цай Байцао сорваться с губ, как с другой стороны раздался радостный голос Вэнь-эрню:

— Брат, смотри, кажется, это старший брат Юй идёт!

Услышав это, Вэнь Ецай и думать забыл о всяких там сплетницах. Он тут же выбрался из залитого поля, торопливо ополоснул от грязи руки и поспешил вперёд, навстречу.

А Юй Шанчжи, ведя за собой Эрвана словно поводыря, всю дорогу шёл в напряжённой тишине,

прикидывая, далеко ли ещё. Услышав знакомые голоса брата с сестрой, он наконец ощутил, как сердце спокойно опустилось обратно в грудь.

— А-Е, — отозвался он.

Его руку сразу же схватил Вэнь Ецай — холодный, оттого что долгое время провёл в воде. Вэнь Ецай заметил, что у Юй Шанчжи в руке корзина из бамбука — внутри, судя по всему, была еда и фляга с водой. Это удивило его, но вслух он лишь улыбнулся:

— Ты чего сюда пришёл? Да ещё одного Эрвана взял, не боишься, что заведёт в какой овраг?

Эрван, будто поняв насмешку, недовольно залаял, за что тут же получил лёгкий щелчок по лбу от Вэнь Ецая.

Пока они перебрасывались фразами, из поля вышла и Вэнь-эрню. Поздоровавшись, она сразу же подошла и приподняла ткань, прикрывавшую корзину.

— Брат, тут овощная каша и паровые булочки! — радостно воскликнула Вэнь-эрню.

Вэнь Ецай наклонился и заглянул внутрь — точно, целый глиняный кувшин с ещё горячей овощной кашей, а в ней, если присмотреться, плавали мелкие кусочки мяса. Паровые булочки тоже были подогреты — пышные, мягкие, будто только что снятые с пароварки. А ещё рядом лежала маленькая плошка с маринованными овощами.

Он перевёл взгляд с корзины на Юй Шанчжи, как вдруг услышал:

— Ну чего застыл? Я уже слышал, как у Эрню в животе урчит. Давай, ищите место, садитесь, ешьте скорее.

<http://bllate.org/book/13600/1205950>